

## СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

З. ШТИБЕР

ТЕОРИЯ ФОНЕМ И. А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ  
В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ<sup>1</sup>

И. А. Бодуэн де Куртенэ был поистине великим ученым, который с увлечением занимался не только исследованием частных вопросов, но и всегда стремился к решению наиболее основных проблем общего языкознания. В его огромном наследии многое уже потеряло свою актуальность, но очень многое стало прочным достоянием всех последующих ученых. В области полонистики достаточно указать на закон о возмездительном удлинении гласных, а в области славянского языкознания — на «бодуэновскую» палатализацию задненёбных. До сих пор не потеряли своего значения мысли Бодуэна о действии аналогии, хотя они опираются только на польский материал. Весьма актуальны для настоящего времени и результаты его рассуждений на тему «звуковые законы». Однако в современной мировой науке Бодуэн де Куртенэ известен прежде всего как создатель науки о фонеме.

Необходимо сразу же подчеркнуть, что Бодуэн не является творцом фонологии в современном значении этого слова. Он ее зачинатель, Бодуэн де Куртенэ высказал такие мысли, которые в конечном результате должны были привести к современным теориям фонем.

Бодуэн де Куртенэ принадлежал к своей эпохе, и только на фоне этой эпохи можно его понять и оценить. Подобно современным ему «младограмматикам», которых он, однако, во многих отношениях превосходил, Бодуэн де Куртенэ не понимал достаточно ясно того, что язык есть прежде всего явление общественное и что его можно рассматривать если и не единственно, то в первую очередь в аспекте его коммуникативной функции. Для Бодуэна польский язык или русский — это чистые фикции; реально для него существуют только «языки» отдельных поляков, русских и т. д. По его мнению, языкознание относится к наукам психологическим; сущностью языкознания является исследование представлений, сохраняющихся в индивидуальном сознании людей.

Этот бодуэновский психологизм, неприемлемый с нашей современной точки зрения, несомненно представлял собою прогрессивное явление по сравнению с господствовавшими до Бодуэна представлениями о языке как об организме, который живет и развивается так же или почти так же, как организм животный или растительный. Необходимо помнить, что такие представления не совсем изжиты в Польше даже по сегодняшний день. Изучение родства славянских языков методами, принятыми в биологии,

<sup>1</sup> Доклад, прочитанный на заседании I Отдела Польской Академии наук, посвященном 25-й годовщине со дня смерти И. А. Бодуэна де Куртенэ.

осуществлялось у нас еще во второй четверти XX в. Правда, применял эти методы антрополог, однако выдающиеся языковеды говорили об этих попытках вполне серьезно.

Бодуэн всегда рассматривал язык как продукт деятельности человека, и в этом состоит прогрессивность его взглядов. Он понимал, что язык выполняет общественную функцию, однако не смог сделать из этого положения надлежащих выводов и постоянно возвращался на ошибочный путь теории об индивидуальных «языках».

В соответствии со своими взглядами Бодуэн разделял фонетику на «антропофонику» и «психофонику». Первая занимается вопросами физиологии и физики звуков человеческой речи, изучением ее артикуляционной и акустической сторон; вторая, — по мнению Бодуэна де Куртенэ, имеющая гораздо более важное значение, — изучает представления, связанные с этими звуками. Бодуэновская «фонема» — это «цельное, неделимое в языковом отношении представление из области антропофонии, ... возникшее в душе путем психологического слияния впечатлений, получаемых от произношения одного и того же звука». Недостаточно и не во всех случаях Бодуэн де Куртенэ указывает на связь фонемы со значением комплекса, частью которого является фонема.

Как известно, большой заслугой Бодуэна является разработка теории фонетических чередований. Однако для будущей науки о фонеме, может быть, наиболее важным было введение — в рамках этой теории — понятия дивергентов. Бодуэновские дивергенты — это соответствующие одной и той же фонеме (т. е. языковому представлению) довольно различные звуки, качество которых зависит от позиции в слове. «Психологически целостное» *г* по-разному звучит в польском *rak* и в польском *wiatr* (в последнем случае — это глухой согласный). В настоящее время мы должны это понимать иначе, тем не менее понятие дивергентов сохранилось в современном языкознании независимо от того, как мы их сейчас называем.

Следствием психологических установок Бодуэна де Куртенэ было то, что он нередко усматривал в одном и том же звуке эквивалент двух разных фонем. Так, например, в конечном *с* в одном случае он видел эквивалент фонемы *с* (например, в польском *nos*), а в другом случае — эквивалент фонемы *з* (например, в польском *vis*, орфогр. *wóź*), в зависимости от того, выступает ли в родственных формах *с* (например, род. ед. *nosa*) или *з* (например, род. ед. *wozi*). Мало интересуясь коммуникативной функцией языка, Бодуэн не принимал во внимание тот очевидный факт, что безотносительно к тому, что представляет себе говорящий, принося звук *с* (эти представления, впрочем, нельзя определить научно), слушающий всегда услышит *с*, а не *з*.

Большой шаг вперед в области науки о фонеме сделал ученик Бодуэна, русский ученый Л. В. Щерба. В предреволюционный период он еще не освободился окончательно от бодуэновского психологизма, однако, как справедливо подчеркивает Ахманова (см. ниже), психологической является скорее форма его высказываний, чем содержание. Гораздо сильнее, чем его учитель, Щерба подчеркивает функцию фонемы, т. е. ее связь со значением слова, в котором выступает фонема. По Щербе, «... фонемой называется кратчайшее общее фонетическое представление данного языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова и могущее быть выделяемо в речи без искажения фонетического состава слова» (Л. В. Щерба, Русские гласные в качественном и количественном отношении, СПб., 1912, стр. 14). Необходимо помнить также, что Щерба едва ли не первый последовательно применил понятие фонемы в диалектологических исследованиях в своей очень интересной работе «Восточнолужицкое наречие» (1915), к сожалению, совершенно

недоступной в Польше. После Великой Октябрьской революции в своей превосходной «Фонетике французского языка» (1-ое изд., 1937 г.) Щерба окончательно порывает с психологизмом. Фонема для него теперь уже не представление, а звуковой тип. Такие типы, однако, устанавливаются не только на основании звукового сходства, но также и на основании идентичности функций как средства коммуникации в обществе определенных, близких между собою звуков данного языка. Отношение фонемы к ее оттенку Щерба теперь понимает как отношение общего к частному. Хотя у Щербы мы и находим еще положения, которые могут стать предметом дискуссии, тем не менее его понятием фонемы можно весьма продуктивно пользоваться в современном материалистическом языкознании.

За пределами Советского Союза идеи Бодуэна развивала главным образом так называемая пражская школа во главе с Н. С. Трубецким. Важные заслуги в области теории фонем и в области применения этой теории к частным проблемам бесспорно принадлежат самому Трубецкому. Гораздо большее число оговорок вызывают положения его единомышленников и прежде всего Якобсона. Сам Трубецкой в 1925 г. еще целиком оставался на позициях бодуэновского психологизма, о чем свидетельствует хотя бы его статья о носовых гласных в полабском языке, опубликованная в том же году<sup>1</sup>. Причиной изменения его взглядов было, повидимому, сопоставление бодуэновских идей со взглядами Ф. де Соссюра, возможно, также и ознакомление с работами Щербы. Вслед за Соссюром Трубецкой различает две «стороны» языка: общественную (*langue*) и индивидуальную (*parole*). Хотя языковедческую теорию Соссюра и можно критиковать, тем не менее разграничение им общественного и индивидуального в языке было шагом вперед как по сравнению с младограмматиками, так и по сравнению с Бодуэном, который отчетливо различал только индивидуальную сторону языка. Трубецкой с полным основанием рассматривает фонему в свете коммуникативной функции языка. Для него существенными чертами фонем являются такие, изменение которых влечет за собой изменение значений целого слова (например, звонкость польского *d* в слове *dom*; замена звонкого глухим дает совсем другое слово — *tom*). Усматривая в каждом языке систему, Трубецкой соединяет фонемы отдельных языков в системы, в пределах которых каждая часть известным способом соотносится с остальными.

Основной ошибкой Трубецкого была слишком резкая тенденция отделить фонетику (т. е. науку об артикуляционных и акустических особенностях звуков человеческой речи независимо от их коммуникативной функции) от фонологии, которая рассматривает только «существенные» черты фонем, имеющие заметное влияние на их функции. По счастью, в этом отделении фонетики от фонологии Трубецкой не был последовательным и в главном своем труде «Grundzüge der Phonologie»<sup>2</sup> часто опирается на конкретные данные из области экспериментальной фонетики. Таким образом, он никогда не терял контакта с материальной стороной человеческой речи. Тем не менее взгляды Трубецкого требуют поправок. Можно и нужно отличать фонетику от фонологии, но не следует их разрывать. Другими словами, необходимо изучать функции звуков речи, но при этом нужно опираться на весьма конкретные и подробные данные о возникновении звуков и об их акустических особенностях. Мы не должны проходить мимо какой бы то ни было «несущественной» черты хотя бы потому, что в процессе исторического развития очень часто несущественные черты фонем превращаются в существенные.

<sup>1</sup> N. Troubetzkoy, Les voyelles nasales des langues lécrites, «Revue des études slaves», t. V, fasc. 1 et 2, 1925.

<sup>2</sup> TCLP, VII, 1939.

Итак, фонология, оторванная от фонетической базы, не имеет прав на существование. Однако необходимо решительно подчеркнуть, что и «чистая» фонетика, изучающая звуки человеческой речи в полном отрыве от их функций, была бы никому не нужной наукой. Обе эти стороны науки о звуках человеческой речи, хотя и различные, должны быть теснейшим образом увязаны друг с другом.

Взгляды пражской школы пытался перенести в область литературоведения пражский теоретик литературы Мукаржовский. Это было недоразумением; аналогия между структурой языка и структурой художественного произведения весьма сомнительна. Заслуженная неудача теории Мукаржовского в области литературоведения не может скомпрометировать языковедческую «пражскую школу» в целом, которая, наряду с очевидными ошибками, имела также и позитивные достижения.

Взгляды Трубецкого распространились, как известно, во всей Западной Европе и даже в Америке. Делались и делаются попытки развивать эти взгляды, однако результаты этих попыток ничтожны.

Если Трубецкой скорее в теории, чем на практике отрывал фонетику от фонологии, то решительный шаг в области чистой абстракции сделал датский ученый Л. Ельмслев. Для Ельмслева в языке существуют только отношения, материальная сторона совершенно его не интересует. Он создает какую-то странную науку, совершенно оторванную от какой бы то ни было действительности. Если те, кто сочувствует Ельмслеву, и написали ценные работы, то, между прочим, потому, что никогда не были последовательными проводниками его идей.

В Советском Союзе правильные взгляды Щербы не могли найти надлежащего признания во время господства марристов. Тем не менее интерес к проблемам фонологии был здесь всегда очень большим. Когда после появления статей Сталина по языкознанию редакция «Известий Отделения литературы и языка АН СССР» открыла дискуссию по этому вопросу, то многие пожелали принять в ней участие. Во время дискуссии между советскими учеными развернулся широкий и свободный обмен мнениями по вопросам, имеющим огромное значение для языкознания. Дискуссию начал С. К. Шаумян, который атаковал Трубецкого довольно неожиданным образом: он обвинил Трубецкого в том, что тот недостаточно разграничивает фонетику и фонологию. Такая точка зрения должна была вызвать живейшую реакцию со стороны других участников дискуссии, однако в результате в дискуссии непропорционально много внимания было уделено борьбе со взглядами Шаумяна. Вероятно, это и было одной из причин того, что дискуссия не дала ощутимых результатов. Однако независимо от этого самый факт, что многие советские ученые высказались по такому важному вопросу, следует расценивать весьма положительно.

Отсутствие какого-либо обобщения взглядов советских ученых по вопросам фонологии после дискуссии в «Известиях» побудило Московский университет издать брошюру на ту же тему<sup>1</sup>; эта брошюра была предназначена как для студентов, так и для преподавателей. Автор этой брошюры придерживается фонологической точки зрения, близкой к точке зрения Щербы, однако с некоторыми поправками. В начале своей работы Ахманова справедливо подчеркивает и довольно подробно освещает роль Бодуэна де Куртенэ как зачинателя фонологии.

Дискуссия на фонологические темы была проведена также в Праге в 1953 г. Открыли ее доклады проф. К. Горалека и д-ра С. Пецыра. В ходе дискуссии критиковали положения пражской школы, но вместе с тем участники отмечали и ее позитивные достижения.

<sup>1</sup> О. С. Ахманова, Фонология, М., 1954.

После первой мировой войны в Польше бодуэновские идеи развивал С. Шобер. Он придавал большое значение функции звуков речи («функциональной фонетике»), что является важным шагом вперед по отношению к Бодуэну. Однако Шобер не смог полностью освободиться от бодуэновского психологизма, который еще и в настоящее время имеет у нас своих сторонников, может быть, не всегда отчетливо это сознающих. В учении Бодуэна находится также источник положения проф. В. Дорошевского о функционально активных и функционально пассивных звуках. Взгляды Е. Куриловича, несомненно, хотя и не непосредственно, вытекающие из теории Бодуэна, требуют отдельного широкого обсуждения.

В настоящее время, объективно оценивая большие заслуги Бодуэна де Куртенэ в области общего языкознания, мы относимся к ним с уважением. И хотя жизнь идет вперед и концепции даже очень больших умов должны быть пересмотрены, тем не менее при рассмотрении сегодня, например, проблемы фонемы мы не должны ни на минуту забывать, что эту проблему, как и много других основных проблем языкознания, впервые поставил и разработал именно этот великий ученый.

Перевел И. Оссовецкий